

БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Французская армія переживаетъ моментъ счастливаго подъема духа, отразившагося, между прочимъ, и на военной литературѣ страны. Еще совсѣмъ недавно пришлось на страницахъ «Русскаго Инвалида» отмѣтить обильное появленіе цѣлаго ряда изслѣдованій, трактующихъ вопросы будущей франко-германской войны съ разныхъ сторонъ, но всегда съ оптимистической общей окраской. Среди подобныхъ изслѣдованій особое вниманіе обратилъ на себя трудъ капитана *Serb'a* ¹⁾ и въ апрѣльской книжкѣ *Journal des Sciences Militaires*, по поводу появленія названнаго труда, неизвѣстный авторъ подъ двумя ** пишетъ съ большой освѣдомленностью *объ эволюціи французскихъ вооруженныхъ силъ за эпоху съ 1870 г. по 1912 годъ.*

Занятіе нѣмцами минувшимъ лѣтомъ марокканскаго порта Агадиръ сыграло роль своего рода электрической искры, сплавившей во-едино умы и сердца французскихъ гражданъ въ предвидѣніи отпора своему традиціонному врагу, и съ той минуты на всѣхъ политическихъ собраніяхъ республики ораторы неизмѣнно подчеркиваютъ великолѣпное моральное настроеніе націи. Талантливый историкъ и дипломатъ Напотаух указываетъ при этомъ на важность того, что въ созданіи такого настроенія нельзя найти какого-либо «свыше посланнаго» человѣка, «*homme providentiel*», а что весь народъ объединился вокругъ одной идеи; изъ подобнаго національнаго одушевленія и родятся обыкновенно великія историческія движенія.

Англійскій журналъ, анализируя душевное состояніе Франціи, отмѣчаетъ особенность его за послѣдніе 40 лѣтъ въ томъ, что страна

¹⁾ См. «Русскій Инвалидъ» 6 апрѣля № 75—фельетонъ: «О будущей войнѣ».

выработала въ себѣ привычку жить смѣло подъ угрозой постоянной опасности. Развилось особое національное мужество, воспринявъ которое можно спокойно идти навстрѣчу событіямъ, если они отнынѣ окажутся болѣе властными, нежели люди. Теперь можетъ случиться, въ противоположность прошлому, что правительства станутъ миролюбивыми, а народы—воинственными. Трудно, конечно, сказать, кто болѣе къ этому склоненъ, французы или нѣмцы, однако вѣрно то, что, если французы будутъ вынуждены воевать, война у нихъ будетъ болѣе популярна, чѣмъ у ихъ противниковъ. Императору Вильгельму II приписываютъ слова: «за нами сила, за вами (французами) — общественное мнѣніе». Признаніе откровенное и даже неосторожное. Близорукій взглядъ германской интеллигенціи, слишкомъ практичный и претендующій на то, чтобы человѣческія явленія были втиснуты въ узкія рамки статистики: столько-то населенія, столько-то солдатъ, ружей, пушекъ. Конечно, мы, французы, живемъ общественнымъ мнѣніемъ. Мнѣніе цѣлаго свѣта о насъ является чудеснымъ средствомъ для созрѣванія національной идеи. Она гласитъ: «моя цѣль права» и ею воодушевляется государственная оборона; а затѣмъ, взглянувъ вокругъ, нація находитъ кругомъ себя сочувствіе, и сила ея морально удесятеряется...

Послѣдніе сорокъ лѣтъ Франція живетъ великими чувствами и сильными страстями. «За этотъ періодъ, четыре раза война должна была, казалось, разыгратъ неминуемо; особенно въ послѣднія семь лѣтъ мы (французы) живемъ подъ нависшими надъ нами тучами, готовыми постоянно разразиться. Такое напряженіе политической атмосферы должно закалить душу расы. Въ августѣ 1911 г. германскій императоръ выразился, что нервы нашего поколѣнія вообще слабы, но нѣмецкіе нервы, будто бы, все же лучше. Кто знаетъ? Мы стоимъ твердо передъ занесеннымъ надъ нами ударомъ. Не въ томъ вѣдъ трудность, чтобы подняться возможно выше своимъ душевнымъ напряженіемъ, а въ томъ, чтобы мѣсяцами и годами на этомъ уровнѣ удержаться. И въ этомъ многіе современные мыслители видятъ ручательство тому, что, если Франція, въ случаѣ войны, даже испытаетъ сначала заминку въ достиженіи успѣха, окончательная побѣда будетъ за нею, лишь бы только оказался налицо запасъ твердой воли и нравственного упорства, подобно Риму послѣ сраженія при Каннахъ, или хотя бы подобно Англии въ бурскую войну». Таково мнѣніе, между прочимъ, и только что умершаго Langlois.

Въ чемъ же разница состоянія арміи въ 1870 году и теперь? Въ іюль 1870 года мы (французы) съ нашей 200-тысячной арміей относительно были готовы. Легкость французской арміи давала сразу преимущества надъ неповоротливымъ колоссомъ, представлявшимъ довольно сложный механизмъ. Въмѣсто того, чтобы топтаться на одномъ

мѣстѣ, французамъ слѣдовало дѣйствовать. Перейдя Сааръ, надлежало занять Саарбрюкенъ, Сааргемюнде и Саарлуи; затѣмъ переправиться черезъ Рейнъ и овладѣть Кельномъ. Первые дни войны мы имѣли нѣкоторое превосходство надъ врагомъ, планы котораго, по своимъ расчетамъ, были такъ сложны, что неожиданное вторженіе (напримѣръ въ Палатинатъ или въ Прирейнскую провинцію), по свидѣтельству очевидцевъ, могло бы ихъ разстроить однимъ ударомъ. Пруссаки стремились все предвидѣть, французамъ оставалось лишь одно средство—оказаться внѣ поля ихъ предвидѣнія. Однако, при этомъ нужно было быть быстрыми, какъ взрывъ пороха и застигнуть неприятеля совершенно врасплохъ—«en flagrant délit». Любопытная Европа спрашивала: «ну что же они дѣлаютъ, отчего они не переходятъ Сааръ?» Каждое утро нѣмцы съ тревогой освѣдомлялись, не появились ли французы? Не узнавали болѣе внуковъ великаго Бонапарта. Самъ Бисмаркъ говорилъ: «отъ этихъ дѣваловъ французовъ можно ожидать всего; если имъ вздумается, какъ сумасшедшимъ, обрушиться на насъ, да посреди нашей мобилизаціи, я не знаю, что можетъ произойти». Изъ замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ германскаго генеральнаго штаба, видно, что въ первыхъ числахъ августа французы безусловно могли бы достигнуть окрестностей Майнца.

Французская военная машина, хорошо или дурно, но пущена была съ большой стремительностью и съ порывомъ самой неудержимой посиѣнности. За двадцать первыхъ дней она успѣла уже устать, порядочно износилась, повредилась, работая съ нерасчетливой форсировкой. Почему? Да потому, что всякому дѣйствию должно предшествовать соотвѣтствующее напряженіе воли, а этому послѣднему—концепція, замысль. Но вотъ *идея-то и отсутствовала*: чего, собственно, нужно было хотѣть? А затѣмъ что дѣлать? Въ сердцѣ, конечно, недостатка не было. Яростно хотѣли драться. Но драться гдѣ, когда, съ кѣмъ? Какъ знать, что было бы, если бы 200 тысячъ человѣкъ были предварительно сосредоточены и были бы использованы такъ, какъ слѣдано это было позже у Эльзасхаузена, Морсбронна, Рейхсхофена, Вейсенбурга, гдѣ 7 тысячъ держались противъ 70 тысячъ въ теченіе семи часовъ?

Первый вопросъ, который ставитъ обыкновенно руководитель маневра начальникамъ сторонъ: «какова была идея вашихъ дѣйствій?» И дѣло не въ томъ, чтобы рѣшить былъ ли замысль хорошъ или только сносенъ, а въ томъ былъ ли онъ вообще *на-лицо* и *на-сколько опредѣленно*. Идея на войнѣ становится двигательной силой при условіи ея напряженной жизнеспособности. Посредственный замысль, но могущественно желаемый, лучше, нежели весьма мудрый, но слабо поддерживаемый сердцемъ.

Въ 1870 г. знанія не было никакого, развитіе мысли ничтожное, идей вовсе не было. Не знали страны, не знали непріятеля, не знали даже самихъ себя. Малѣйшее волненіе главной квартиры передавалось тотчасъ же по телеграфу въ армію... полки перемѣщались, отправлялись, прибывали, не зная для чего, не зная кто былъ до нихъ или кто за ними слѣдуетъ, наталкиваясь неожиданно на со-сѣднія части.

Старшіе начальники въ арміи въ 1870 году не только были неспособны маневрировать среди нагроможденныхъ повсюду трудностей военного времени, но весьма немногіе изъ нихъ были вообще способны произвести простое тактическое движеніе въ странѣ, гдѣ они себя чувствовали, какъ въ непроходимомъ лѣсу. *Въ 1870 году во Франціи царило полное военное невѣжество по отношенію къ современнымъ требованіямъ веденія войны.*

Но поражение не есть болѣзнь наследственная. Прошлое, въ общемъ, не существуетъ во времени болѣе реальнымъ образомъ, нежели будущее. Скорѣе слѣдуетъ признать, что будущее, еще не родившееся, но которое наступитъ, господствуетъ болѣе, нежели прошлое, умершее навсегда. Прошлое наши глаза не увидятъ никогда болѣе, но они, весьма вѣроятно, увидятъ будущее. Нельзя, по мнѣнію автора, не признать, что нынѣшніе французскіе офицеры превосходятъ своихъ товарищей другихъ армій культурностью, способностями и любознательностью.

Когда французы прикладываютъ свои дарованія къ изученію чего либо, они усваиваютъ предметъ изученія скорѣе и глубже другихъ представителей человѣчества. По словамъ Ницше, французскій гений, если онъ пожелаетъ, вовсе не будетъ поверхностнымъ, наоборотъ, способенъ очень углубиться и, сверхъ того, отличается свойствомъ «цвѣтенія»—«de la floraison», т. е. способностью толкать то дѣло, за которое онъ принялся, впередъ до полного его развитія.

Когда французъ рѣшилъ приняться за достиженіе какой-либо проблемы, какъ бы мало благодарно это ни было, онъ ничего не оставитъ отъ нея не выясненнымъ, не оставитъ въ состояніи концепціи, однихъ намѣреній, неполныхъ очерковъ. Въ военномъ дѣлѣ, гдѣ замыслы стоятъ лишь по-стольку, по-скольку они претворяются въ акты, свойство это еще болѣе цѣнно, чѣмъ въ области метафизической.

Авторъ далѣе указываетъ, что всѣ упомянутыя особенности французскаго генія нашли примѣненіе въ современной французской военной литературѣ, блестящія имена которой, вродѣ Ланглуа, Бонналя, Фоша, Кардо, Кастельно, Гранмэзона, позволяютъ странѣ вполне довѣриться арміи, выдвинувшей такихъ писателей. Въ частности, тѣ же свойства проявилъ и писатель Sord въ своемъ стратегическомъ этюдѣ.

Во всѣхъ искусствахъ, но особенно въ военномъ, красота и истина выражаются въ простотѣ. «Доктрина» книжки Sorb'a представляетъ собою классическую простоту въ смыслѣ ясности тѣхъ принциповъ, которые должны быть положены въ основу веденія французами европейской войны. Эта особенность книги его «La Doctrine de la defense nationale» была отмѣчена «Русскимъ Инвалидомъ» (№ 66 с. г.).

Въ томъ же журналѣ Д. В. пишетъ о впечатлѣніяхъ иностраннаго офицера, отбывавшаго добровольный командный стажъ во французскихъ пограничныхъ войскахъ—въ войскахъ прикрытія. Эти войска отличаются отъ гарнизоновъ внутри страны тѣмъ особымъ cachet, которое привито имъ близостью границы и соудствомъ съ непріятелемъ. Здѣсь гораздо осязательнѣе чувствуется возможность войны, внушающая войскамъ гораздо болѣе строгое настроеніе при обученіи и отправленіи всей службы мирнаго времени. Если солдатъ въ составѣ этихъ войскъ прикрытія и не желаетъ войны, онъ имѣетъ тѣмъ не менѣе ежедневно наглядное напоминаніе о ней и въ концѣ концовъ у него пробуждается любопытство къ ней. Здѣсь онъ вѣрить, что война можетъ быть.

Чѣмъ больше приходится наблюдать французскія войска, тѣмъ, по мнѣнію иностраннаго свидѣтеля, сильнѣе является убѣжденіе въ томъ, что они болѣе увлекаются, нежели основательно обучаются. Солдатъ выносливый, его живой умъ взываетъ къ знаніямъ, которыхъ ему, однако, будто бы не даютъ. Его нравственная природа особенно отзывчива и онъ не развращенъ дурными мыслями прежде всего потому, что ему некогда быть празднымъ; но въ общемъ онъ болѣе развитъ до службы, чѣмъ на службѣ обученъ.

Французы имѣютъ повидимому природную склонность къ смѣшенію работы съ возбужденіемъ къ ней. Когда войсковыя части въ полномъ составѣ находятся въ походномъ движеніи; когда офицеры и солдаты, грязные, мокрые, возвращаются къ ночи въ свои казармы быстрымъ, порывистымъ ходомъ, всегда приводящимъ иностранцевъ въ умиленіе: начальство, не зная, какъ собственно занятой день былъ проведенъ, склонно, однако, думать, что такой день для боевой подготовки потерянь не былъ. Но если ротный командиръ задумаетъ организовать какое-нибудь упражненіе въ полѣ только съ команднымъ персоналомъ роты, воспользовавшись для этого хорошею погодою, на примѣръ, послѣ обѣда, то первый вопросъ, который ему предъявитъ командиръ полка или генераль при встрѣчѣ: «а гдѣ же, однако, ваши люди?» Въ этомъ вопросѣ будетъ очень мало одобренія, и командиръ роты пойметъ, что ему не слѣдуетъ отдаваться работѣ, въ которой не принимаетъ участія, хотя бы въ образѣ статистовъ, весь ея личный составъ.

Если же, наоборотъ, люди вертѣлись по окрестностямъ, упражняясь въ ловкомъ развертываніи, хотя и безъ опредѣленной цѣли, старшій начальникъ будетъ этимъ подкупленъ, потому что французамъ нуженъ прежде всего спектакль для глазъ и возбужденіе, хотя бы легкомысленное: оно даетъ имъ иллюзію полезной работы. Вотъ почему кадры французской арміи обучены посредственно.

Отсюда весь ихъ начальственный персоналъ зараженъ маніей командованія. Сколько разъ на маневрахъ приходилось видѣть, говорить авторъ, какъ генералы или полковники принимались за командованіе взводами, находящимися передъ ихъ глазами, вмѣсто того, чтобы заняться управленіемъ всею совокупностью своихъ войскъ. Какое сдержанное негодованіе можно было прочесть при этомъ на лицахъ настоящихъ командировъ взводовъ, которымъ не оставалось ничего болѣе, какъ стать во главѣ патрулей и дозоровъ, ими же только что высланныхъ отъ своихъ взводовъ. Вообще рѣзко бросается въ глаза стремленіе начальниковъ вмѣшиваться въ кругъ дѣятельности своихъ подчиненныхъ, причѣмъ въ области обученія это еще болѣе наблюдается, чѣмъ на маневрахъ. Нѣтъ такого полковника или командира батальона, который не стремился бы навязать своимъ подчиненнымъ не только свои идеи, что было бы еще понятно, но также и свои способы и методы обученія. Къ счастью для мелкихъ единицъ, подвижность начальниковъ не такова, чтобы позволяла имъ постоянно сидѣть на хвостѣ роты.

Распространенное за границей мнѣніе о томъ, что французы питаютъ отвращеніе къ ночнымъ дѣйствіямъ, не опровергается при внимательномъ знакомствѣ съ ихъ арміей на маневрахъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія автора среди французскихъ войскъ никто не протестовалъ противъ правильности такого мнѣнія. Всѣ свѣдѣнія ихъ въ этой области боевой подготовки ограничиваются массовой практикой въ умѣньѣ ориентироваться по полярной звѣздѣ и обученіемъ нижнихъ чиновъ ночной бдительности, а затѣмъ и навыкомъ несенія сторожевой службы ночью. Ни разу не пришлось присутствовать ни на одномъ ночномъ тактическомъ ученіи, такъ какъ таковыхъ не было и они не входятъ въ циклъ тактического обученія роты.

Высшія войсковыя соединенія еще менѣе втягиваются въ ночныя упражненія. Словомъ, этотъ родъ воинскаго обученія находится въ большомъ пренебреженіи. Начальствующія лица безсознательно раздѣляютъ это явное нерасположеніе войскъ къ ночному бою, и несомнѣнно, что, вслѣдствіе отсутствія должной практики, французскія войска, вообще не склонныя къ эволюціямъ въ сомкнутыхъ порядкахъ, будутъ очень мало подвижны и неискусны въ ночныхъ операціяхъ, полныхъ неожиданностей и случайностей.

По поводу столь наболѣвшаго вопроса, какъ степень истинной дисциплины французскихъ войскъ и ихъ воинской надежности, авторъ указываетъ на совсѣмъ особую атмосферу, которая окружаетъ армію въ собственной странѣ. Это своего рода стеклянне сооруженіе: *dans ce pays l'armée est une maison de verre*. Ни малѣйшій фактъ въ ея жизни не ускользаетъ безъ того, чтобы на другой же день о немъ не раструбили газеты во всѣхъ подробностяхъ, дѣлая при этомъ изъ ничтожныхъ повседневныхъ случаевъ обобщающіе выводы на политической подкладкѣ. Солдата нельзя подвергнуть тюремному заключенію, чтобы не вызвать вздоховъ со стороны антимилитаристовъ. Однако, изъ искреннихъ бесѣдъ по этому вопросу съ младшими офицерами, досконально освѣдомленными относительно дѣйствительнаго настроенія нижнихъ чиновъ, слѣдуетъ заключить о полномъ довѣрїи къ солдатамъ и о безрезультатности пропаганды антимилитаризма среди нихъ въ общей массѣ.

Французскіе солдаты, конечно, прислушиваются, читаютъ, любятъ поговорить на эти скользкія въ арміи темы, но, какъ и всякій западный европеецъ, они охотно подчиняются авторитету логики и, будучи на службѣ, они, въ концѣ концовъ, слушаются своего начальника, своего офицера, прежде всего, какъ знающаго болѣе ихъ самихъ человѣка. Французскій солдатъ любитъ, прежде всего, узнать своего начальника, которому онъ долженъ подчиняться. Послѣднему необходимо приобрести его довѣріе, чтобы быть спокойнымъ относительно его послушанія. Завоеванное личнымъ своимъ авторитетомъ послушаніе французскій офицеръ и обязанъ положить въ основу дисциплины. Изъ этого видна вся важность для этой арміи, какъ и для всякой, впрочемъ, хорошо подготовленнаго команднаго персонала. Отъ перваго соприкосновенія, отъ обмѣна первыми впечатлѣніями между нижними чинами и начальниками, зависитъ качество дисциплины.

Можно поручиться за кадровый составъ, но какую цѣнность при мобилизаціи представляютъ изъ себя резервы—это неизвѣстно. Въ умѣлыхъ рукахъ они скоро сольются съ кадрами, но, попавъ подъ команду неопытныхъ начальниковъ, они могутъ оказаться ненадежными. Въ учебныхъ сборахъ резервисты обнаруживаютъ чрезвычайное самолюбіе и стараются, какъ можно скорѣе, ничѣмъ не уступить кадровому составу. Авторъ считаетъ, что равновѣсіе ихъ различныхъ свойствъ зависитъ отъ такихъ невѣсомыхъ вліяній, которыя могутъ нарушать наиболѣе вѣрные расчеты и наилучше соображенныя комбинаціи. Все будетъ зависѣть отъ тѣхъ начальниковъ, къ которымъ они попадутъ.

Въ общемъ, безпристрастнаго наблюдателя поражаютъ превосходные результаты при сравнительно слабо затрачиваемыхъ сред-

ствахъ. Ни одна армія въ свѣтѣ не способна при этихъ средствахъ оказаться на томъ же уровнѣ совершенства, какъ французская. Это нужно отнести въ заслугу изощренной интеллигентности солдата, его пониманію свойствъ войны, его доброй волѣ и его охотѣ къ работѣ.

Авторъ затѣмъ проводитъ параллель между подготовкой нѣмецкихъ кадровъ и французскихъ. Съ одной стороны, войска, у которыхъ одиночное обученіе доведено до совершенства и выполняется методически и съ неумолимой постепенностью; стрѣлки вырабатываются медленно и вѣрно. Одиночному обученію благоприятствуетъ роскошь значительныхъ кадровъ и отлично усваивающій обученіе матеріалъ. Обученіе строго обуславливаемое программой и размѣченное заранее во всѣхъ мелочахъ, обеспеченное отъ всякой поспѣшности, отнюдь не тормозимое присутствіемъ и вмѣшательствомъ командныхъ инстанцій. Многочисленные, образованные сверхсрочные унтеръ-офицеры, привыкшіе къ самостоятельной работѣ и не отвлекаемые отъ инструкторскаго дѣла какими-либо посторонними обязанностями. Со стороны начальственного персонала постоянная забота о томъ, чтобы не вмѣшиваться въ дѣло одиночной подготовки до ея окончанія, съ цѣлью позволить выработать изъ рекрута прежде всего машину, вполне преданную пассивному послушанію, дисциплинѣ строя—раньше, нежели предъявлять къ нему требованія умѣть разбираться и обладать предпримчивостью въ области охраненія, развѣдки или въ бою. Вообще забота, раньше чѣмъ приняться за тактическое образованіе нижняго чина, закончить его техническое солдатское обученіе. Это у нѣмцевъ.

У французовъ, наоборотъ, одиночная подготовка, весьма поверхностная, ведется въ кадрахъ, ограниченныхъ по численному составу, подъ неослабнымъ наблюденіемъ ряда начальниковъ-офицеровъ, присутствіе которыхъ часто больше парализуетъ командный составъ изъ нижнихъ чиновъ, нежели ему помогаетъ. Стремленіе обучать всему сразу, безъ особой послѣдовательности, безъ строго установленнаго плана, но съ заботой возбудить сознательность у солдата и выдрессировать въ немъ инициативу прежде, чѣмъ парализовать порывы его личной воли. Стрѣлковое обученіе солдата, на примѣръ, ведется очень торопливо и недостаточно основательно, потому что молодой солдатъ уже выпускаетъ свой первый выстрѣлъ черезъ три и даже двѣ недѣли по зачисленіи на службу.

У французовъ молодые солдаты принимаютъ участіе въ маневрахъ, въ смыслѣ которыхъ они еще не могутъ разобраться, и въ этой обстановкѣ часто разрушаются пріобрѣтенныя ими начала одиночной подготовки, едва имъ привитыя. Здѣсь замѣтно стремленіе сразу раскрыть умъ солдата для пониманія войны, во всемъ объемѣ ея явленій, возбудить интересъ и любопытство солдата ко всему, что

будетъ служить предметомъ его изученія въ теченіе двухъ лѣтъ его дѣйствительной службы. вмѣстѣ съ тѣмъ, видно желаніе воспользо-ваться хорошими октябрьскими днями для ознакомленія молодыхъ солдатъ съ полевой службой на открытомъ воздухѣ, отложивъ на зимнее время все, что можетъ быть усвоено позже въ казарменныхъ комнатахъ и дворахъ.

Уже двадцать лѣтъ, какъ французы отказались отъ мелочной дрессировки новобранцевъ, въ свое время доведенной до результатовъ даже большихъ, нежели у ихъ соперниковъ, и отказались, по ихъ собственному признанію, ради постановки всего обученія въ болѣе близкое соотвѣтствіе со способностями и развитіемъ ихъ солдатъ. И вотъ, въ результатѣ такой перемѣны требованій, нынѣ часто среди французскихъ начальниковъ раздается негодованіе на то, что ихъ солдаты лишены всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ воинской выправки, сѣмена которой они сами стараются вытравить, смѣшивая съ первыхъ же дней службы солдата одиночную подготовку съ полевымъ обученіемъ на маневрахъ. Нужно приписать его природнымъ качествамъ, его доброй волѣ и самолюбію, то, что онъ умѣетъ еще молодцовато держаться на смотрахъ и парадахъ. Зато несомнѣнно въ выигрышѣ его чисто военно-полевая способность, въ отношеніи развитія коихъ французскій солдатъ стоитъ вполне на высотѣ своей мисси, если имъ правильно руководятъ.

Что же касается внѣшняго вида, выправки, чистоты движеній, то французскіе солдаты могли бы достигнуть гораздо лучшихъ результатовъ при большей методичности и болѣе точномъ примѣненіи правилъ, изложенныхъ въ ихъ собственномъ строевомъ уставѣ 1904 г.

Въ итогѣ авторъ исповѣдуетъ убѣжденіе, что французская армія скрываетъ въ наше время въ себѣ еще не обнаруженную и чудесную силу, способную сокрушить все, что она встрѣтитъ на своемъ пути къ достиженію конечной побѣды...

Послѣдняя, мартовская книжка *Revue Militaire Générale* вышла подъ непосредственнымъ руководствомъ покойнаго Ланглуа; редакція указываетъ, что умершій военный писатель имѣлъ обыкновеніе заготавливать матеріалъ для цѣлаго ряда выпусковъ своего любимого дѣтища, и пока таковой не будетъ использованъ, его преемникъ, еще неизвѣстно кто, не будетъ считать себя вправе приняться за новое руководство журналомъ.

Въ этой книжкѣ журнала, прежде всего, должно обратить на себя вниманіе читателей продолженіе статьи капитана *Sulmann'a* о *прикрытіи границы и сосредоточенія* (см. «обзоръ» за мартъ и апрѣль этого года). На этотъ разъ *Sulmann* обсуждаетъ значеніе германскихъ крѣпостей въ Эльзасѣ-Лотарингіи для стратегическаго развертыванія нѣмецкихъ армій и первыхъ ихъ операцій.

За послѣдніе годы XIX столѣтія въ планѣ государственной обороны Германіи должны имѣть мѣсто три серьезныхъ факта, одновременность наличія которыхъ никакъ не можетъ быть приписана случайности. Изыскывая связь между увеличеніемъ численности мирнаго состава арміи, извѣстнымъ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти и ростомъ фортификаціонныхъ сооружений, можно придти къ интереснымъ выводамъ относительно общаго плана операцій и маневра по обеспеченію сосредоточенія армій.

Послѣдовательный ростъ германскихъ сухопутныхъ силъ представляется слѣдующей таблицей:

Время изданія военныхъ законовъ.	Штатная численность германской арміи (а) людей.	Баталіоновъ.	Эскадронъ.	Полковыхъ батарей.	Тяжелыхъ батарей.	Число корпусовъ.	Примѣчанія.
11 марта 1887 г.	468.409	534	465	364	31	18	(а) Не считая одноподвижныхъ вольноопредѣляющихся. (б) Сформированіе XVI корпуса въ Лотарингіи и XVII — въ Восточной Пруссіи. (с) 173 полубаталіона были затѣмъ замѣнены 86-ю полными баталіонами. (д) Сформиров. XVIII корпуса въ Пруссіи, XIX корп. (II саксонскій), III корпуса (Баварскій). (е) Не считая 85.000 унтеръ-офицеровъ и 12.000 одноподвижныхъ вольноопредѣляющихся. (ф) Не считая 90.000 унтеръ-офицеровъ и 14.000 одноподвижныхъ вольноопредѣляющихся.
27 января 1890 г.	486.983	538	465	434	31	20(б)	
15 іюля 1890 г. . .		538 и 173					
15 іюля 1893 г. . .	557.093	полу- бата- ліона (с)	465	494	37	20	
26 марта 1899 г. . .	577.046	625	482	574	38	23(д)	
15 апрѣля 1905 г.	505.839 (е)	633	510	574	40	23	
7 марта 1911 г. . .	515.321 (ф)	634	510	592	48	23	

Какъ видно изъ таблицы, ростъ арміи съ 1887 по 1899 г. болѣе значителенъ, нежели въ послѣдующіе 12 лѣтъ; на это слѣдуетъ обратить вниманіе. Вопросъ въ томъ, какъ нѣмцы предполагаютъ использовать тѣ пять армейскихъ корпусовъ, которые они сформировали въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія; другими словами, какова будетъ новая форма ихъ стратегическаго развертыванія. Для выясненія этого авторъ считаетъ необходимымъ изучить развитіе за послѣдніе годы желѣзнодорожной сѣти и расположеніе станцій высадокъ.

Внимательное изслѣдованіе схемы начертанія дорогъ указываетъ на сосредоточеніе противъ Франціи 19-ти нѣмецкихъ корпусовъ; на русской границѣ будутъ оставлены: I (Кенигсбергъ), V (Познань) и VI (Вреславль) корпуса; IX (Альтона)—останется для обороны побережья. Въ 1870 году для этой послѣдней цѣли была назначена одна

17-я полевая дивизія, но съ тѣхъ поръ произошла рѣкая перемѣна въ виду того, что Англія открыто стала на сторону враговъ нѣмцевъ.

Въ Эльзасѣ, въ качествѣ прикрытія лѣваго фланга, будетъ образована небольшая армія въ одинъ или два корпуса, вѣроятно же XIV (Карлсруэ) корпусъ въ составѣ 3-хъ дивизій, усиленныхъ резервными частями ²⁾. Въ центрѣ, между Мецомъ и Саарбургомъ, развернутся двѣ арміи, въ 4—5 корпусовъ каждая. На правомъ крылѣ, который составитъ массу для нанесенія главнаго удара, будутъ сосредоточены двѣ арміи, въ общемъ составѣ въ 7—8 корпусовъ—группа армій Трира (des armées de Trèves).

Между центромъ и правымъ крыломъ развернется небольшая армія въ два корпуса, усиленныхъ значительнымъ числомъ батарей тяжелой артилеріи и опирающихся на крупныя резервныя части. Эта армія будетъ между Тіонвиллемъ и Мецомъ, съ цѣлью подкрѣпленія съ началомъ движенія впередъ одной изъ двухъ сосѣднихъ крупныхъ группъ.

11 кавалерійскихъ дивизій ³⁾, изъ коихъ 8 будутъ сосредоточены на западной границѣ: одна въ Эльзасѣ, отъ 2-хъ до 4-хъ въ группѣ армій центра и 3—5 дивизій въ составѣ праваго крыла.

Наконецъ, относительно роли фортификаціи въ германскомъ планѣ обороны авторъ отмѣчаетъ слѣдующую эволюцію.

Въ теченіе первыхъ 20-ти лѣтъ послѣ войны 1870 года оборонительная система Эльзасъ-Лотарингіи только поддерживалась. Одинъ лишь Страсбургъ былъ превращенъ въ обширный тетъ-де-понъ на Рейнѣ, путемъ сооруженія пояса форговъ. Въ Мецѣ ограничивались улучшеніемъ старыхъ построекъ. Тіонвиль, Бичъ, Ней-Бризахъ были сохранены, но безъ серьезныхъ улучшеній. Въ этотъ періодъ въ большомъ генеральномъ штабѣ относительно крѣпостей придерживались мнѣнія фонъ деръ-Гольца: «увеличеніе ассигнованій на укрѣпленія потворствуетъ развитію чувства слабости. Народъ, сильный наступательными стремленіями, пользуется крѣпостями крайне умѣренно. Тотъ, кто ищетъ спасенія за крѣпостными валами и рвами, не увѣренъ въ своей силѣ».

Но, начиная съ 1893 года, въ рейхстагѣ раздаются совсѣмъ иные голоса правительства о необходимости усиленія кредитовъ на фортификаціонныя сооруженія. Въ 1903 году военный министръ указываетъ на необходимость денежныхъ жертвъ для улучшенія оборонительной системы имперіи, чтобы приравнять ее *къ новымъ условіямъ современной войны*. Новыя крѣпости имѣютъ цѣлью: позволить арміямъ

²⁾ Давно уже идетъ рѣчь о переформированіи XIV корпуса въ два съ мѣсто-бываніемъ штаба новаго корпуса въ Кольмарѣ.

³⁾ Это число дивизій вѣроятно, вслѣдствіе того, что имѣется 22 конныхъ баттарен, на каждую дивизію—группа въ двѣ баттарен.

избѣжать крупной неудачи, обезпечить успѣхъ охватывающаго флангъ маневра усиленіемъ сопротивленія на фронтѣ, гдѣ незначительныя силы должны имѣть поддержку въ крѣпостяхъ для облегченія частнаго перехода въ наступленіе. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ численный составъ сухопутныхъ силъ сталъ менѣе измѣняться, сталъ болѣе устойчивъ, начались требованія на все большее увеличеніе ассигнованій на крѣпостныя сооруженія; это есть, по мнѣнію Culmann'a, прямое послѣдствіе перемѣны въ общемъ планѣ войны на Рейнѣ.

Огромная разница между Эльзась-Лотарингіей тридцать лѣтъ тому назадъ, съ ея двумя единственными тогда крѣпостями—Мецомъ и Страсбургомъ, ограниченными какъ въ своей матеріальной подготовкѣ, такъ и въ стратегическомъ назначеніи,—и Эльзась-Лотарингіей нынѣ, обращенной въ сплошное грандіозное поле будущей битвы, съ укрѣпленными лагерями, укрѣпленными районами и съ большимъ числомъ фортификаціонныхъ сооруженій.

Въ области германской военной доктрины образовалась цѣлая пропасть между возвышенными, наступательными, пренебрегающими фортификаціей, теоріями Мольтке, ф.-д. Гольца и Блюме—и научными маневренными комбинаціями Бернгарди.

Нѣмцамъ все болѣе приходится считаться съ наступательными тенденціями французской арміи. Каковы же послѣдствія этого для французовъ?

Фортификація не должна мѣнять основнаго рѣшенія, она заставляетъ только осуществлять его посредствомъ особыхъ предосторожностей. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что, если французы имѣютъ намѣреніе атаковать по оси *Невшатель-Саарбрюкенъ*, нужно заботливо обезпечить себя съ обоихъ фланговъ и особенно слѣва. Необходимо двинуть одну армію на Тюнвилъ, который вообще является пунктомъ слабымъ и его нужно атаковать самымъ серьезнымъ образомъ, чтобы отнять у нѣмцевъ нужнаа время и мѣсто для развитія ихъ маневровъ.

Culmann говоритъ, что французскимъ арміямъ особенно важно *не терять времени*. Каждый пропущенный день облегчитъ непріятелю выполнимость его маневра и затруднитъ исполненіе своего, веденнаго противъ полевыхъ укрѣпленныхъ позицій, все болѣе и болѣе усиливаемыхъ.

Существуетъ мнѣніе, будто нѣмцы откроютъ кампанію по-японски, безъ объявленія войны, съ тѣмъ, чтобы сразу получить выгодное исходное положеніе. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что нынѣ нельзя начать большую войну, не подогрѣвъ предварительно нужнымъ образомъ общественное мнѣніе и не получивъ одобренія парламента—это одинаково обязательно какъ для императорской Герма-

ніи, такъ и для республиканской Франціи, и, слѣдовательно, оба соперника будутъ въ одинаковыхъ общихъ условіяхъ, а затѣмъ уже искусство каждой стороны использовать всѣ возможныя для себя выгоды въ предѣлахъ этихъ исходныхъ основаній для открытія враждебныхъ дѣйствій.

Нужно къ этому добавить, что невозможно выполнить призывъ запасныхъ, реквизицію лошадей, словомъ мобилизовать арміи по одну сторону Вогезовъ безъ того, чтобы тотчасъ объ этомъ не узнали по другую ихъ сторону и не приняли немедленно тѣхъ же мѣръ.

Тамъ же продолженіе труда подполковника *Vachée* о «*Наполеонъ на войнѣ*» (см. «обзоры» за ноябрь 1911 г. и за январь, февраль, мартъ и апрѣль сего года). Въ этой книжкѣ авторъ описываетъ, какъ Наполеонъ производилъ инспектированіе своихъ войскъ въ походахъ.

Всякій приказъ оцѣнивается тѣмъ актомъ, который изъ приказа вытекаетъ. Предоставляя каждому должный починъ въ дѣйствіяхъ, начальникъ обязанъ вмѣшиваться въ исполненіе въ той мѣрѣ, чтобы дать арміи толчокъ на чрезвычайныя усилія.

Какимъ же образомъ можно сообщать подобный импульсъ, подвигающій людей на героическое самопожертвованіе? Имѣя неослабный надзоръ за ними, возбуждая и поддерживая ихъ энергію награжденіемъ ихъ и обуздывая мѣрами репрессіи лѣнь и инертность отсталыхъ.

Это возбуждающее вліяніе «ока вождя»—*l'oeil du Maitre*—никогда не было такъ значительно, какъ именно въ арміяхъ Наполеона. «Приказы ничего не стоятъ», писалъ онъ Бертье въ 1812 г. «если нѣтъ увѣренности, что они будутъ въ точности исполнены» Дѣйствіе, всегда дѣйствіе на первомъ мѣстѣ, вотъ чего онъ требовалъ; постоянно, наикратчайшимъ путемъ онъ идетъ къ цѣли, которая достигается вполне опредѣленнымъ и точнымъ актомъ; всякую идеологию онъ отвергалъ...

И днемъ, и ночью, одинаково, далекій отъ мысли, что все исполнено, если уже отданы распоряженія, императоръ самъ провѣрялъ точное выполненіе данныхъ имъ приказаній. На походѣ онъ выходилъ для этого во всякое время. Часто онъ предпринималъ поѣздки, чтобы навѣстить тотъ или другой корпусъ своей арміи или побывать въ стратегически важныхъ пунктахъ. По прибытіи на ночлегъ, одной изъ первыхъ его заботъ было навѣстить, биваки вокругъ пункта своего расположенія, чтобы удостовѣриться, накормлены ли люди и удобны ли пути сообщенія между войсковыми частями. Для него война не была только игрою въ шахматы, которою онъ занимался въ тиши своего кабинета; его внѣшняя подвижность была не меньшею, чѣмъ и его умственная энергія.

У Наполеона было всегда сильное желаніе все увидѣть самому, всякій вопросъ схватить на мѣстѣ, все изслѣдовать лично прежде, чѣмъ остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи.

Во время военныхъ дѣйствій императоръ почти ежедневно производилъ смотры частямъ своихъ войскъ. И смотрѣлъ одинаково подробно какъ цѣлый армейскій корпусъ, такъ и одинъ полкъ или небольшой отрядъ.

Въ 1809 году, живя въ Шенбруннѣ, Наполеонъ ежедневно производилъ парадъ, во время котораго онъ осматривалъ и людей, вышедшихъ изъ госпиталей, а также производилъ смотры наиболѣе пострадавшимъ полкамъ, дабы лично убѣдиться, насколько они способны вновь быть введены въ бой.

Въ 1812 году Наполеонъ провелъ двѣ недѣли въ Витебскѣ; каждое утро онъ присутствовалъ на парадѣ гвардіи передъ своимъ дворцомъ и требовалъ, чтобы всѣ его приближенные находились тамъ же... Тамъ, на мѣстѣ же, онъ входилъ во всѣ подробности походной жизни войскъ; онъ освѣдомлялся о продовольствіи войскъ, о леченіи въ госпиталяхъ, о средствахъ для перевязки ранъ и проч., причемъ тутъ же высказывалъ и свое порицаніе, иногда въ очень рѣзкой формѣ.

Какъ общее правило, императоръ всегда производилъ смотръ каждой части, которая прибывала въ армію, причемъ маршрутъ для нея всегда составлялся помимо императорской главной квартиры, если, конечно, не приходилось изъ-за этого потомъ возвращаться назадъ. Помощникъ начальника штаба получалъ указаніе, въ которомъ часу императоръ будетъ смотрѣть войска. Начальникъ штаба записывалъ, въ свою памятную книжку всѣ замѣчанія, сдѣланныя императоромъ на смотру; затѣмъ они переписывались однимъ изъ секретарей на листъ простой бумаги малаго формата. Начальникъ штаба представлялъ императору въ видѣ рапорта результатъ его смотра. Послѣ каждого смотра отдавался приказъ, въ которомъ указывалось о сдѣланныхъ императоромъ замѣчаніяхъ.

Императорскіе смотры не были, такимъ образомъ, простой церемоніей, во время которой вождь только галопировалъ вдоль фронта войскъ; напротивъ, это были фактическія провѣрки состоянія части, влекшія за собою немедленно и соответствующія послѣдствія. Они, говоритъ авторъ, дѣйствовали на психику солдатъ совсѣмъ иначе, чѣмъ вынѣшніе смотры.

Вотъ какъ описываетъ полковникъ Gonneville, въ бытность свою подпоручикомъ 6-го кирасирскаго полка, картину смотра Наполеона въ Парижѣ весной 1807 года кирасирской дивизіи генерала Espagne. Онъ впервые тогда увидѣлъ уже гремѣвшаго всемірной славой полководца-императора.

«Полки вытянулись въ одну линію и въ теченіе часа ожидали прибытія императора. Наконецъ, на горизонтѣ показалась группа всадниковъ и вскорѣ подскочила къ намъ. Въ головѣ ея, на 50 шаговъ впереди, вырисовывался человѣкъ, весьма воинственнаго общаго облика; на немъ былъ вышитый мундиръ, бѣлые панталоны и высокіе полутвердые ботфорты; на головѣ мѣховая шапка, отороченная краснымъ сукномъ и съ чернымъ плюмажемъ; съ лѣваго бока старинная сабля, съ осыпанной камнями рукояткой, ярко блестящей на солнцѣ. Я думалъ, что это и былъ Наполеонъ. Оказалось, что это Мюратъ, въ качествѣ начальника всей кавалеріи, прибылъ представить одну изъ своихъ дивизій. Онъ проскакалъ галопомъ съ лѣваго фланга на правый и затѣмъ шагомъ прошелъ еще разъ вдоль фронта четырехъ кавалерійскихъ полковъ, поставленныхъ на лѣвомъ флангѣ, и сталъ ожидать.

«Вскорѣ, на окраинѣ той же равнины, показалась новая группа всадниковъ, гораздо болѣе многочисленная и живописная. Сначала видѣлись мамелюки въ позолоченныхъ костюмахъ; ихъ великолѣпныя лошади прыгали, еле сдерживаемыя, точно онѣ развирѣпли; за мамелюками слѣдовали адъютанты и въ ста шагахъ за ними императоръ въ сопровожденіи своей многочисленной свиты. Вся эта блестящая группа замыкалась конвойнымъ эскадрономъ гвардейскихъ шассеровъ. Императоръ далеко не имѣлъ воинственности въ общемъ складѣ фигуры и ничего грознаго въ своемъ обликѣ. На немъ былъ сѣрый сюртукъ самаго обычнаго покроя, небольшая шляпа съ чернымъ шнуромъ и никакого украшенія, кромѣ кокарды; разстегнутый сюртукъ позволялъ видѣть полковничьи эполеты на вицъ-мундирѣ гвардейскихъ шассеровъ, который онъ носилъ всегда на войнѣ, со времени учрежденія имперіи. Бѣлые рейтузы и сапоги мягкой кожи. Подъ нимъ былъ свѣтло-сѣрый арабъ; чепракъ и крылья его сѣдла были оторочены богатой бахромой съ золочеными шариками, стремяна были накладного золота, также какъ удила и кольца уздечки».

«Императоръ прошелъ вдоль фронта и, остановившись у праваго фланга, приказалъ скомандовать: «дивизіоны направо», чтобы образовали роты и сѣшлись. Въ эту эпоху кирасирскіе полки состояли изъ 8 ротъ, составлявшихъ 4 эскадрона. Затѣмъ, подѣзжая къ каждому полку, онъ принималъ письменный рапортъ, передавалъ его начальнику штаба и обращался къ командиру полка съ вопросомъ о числѣ больныхъ и вообще объ отсутствующихъ. Подойдя къ моей ротѣ, императоръ остановился передо мною и спросилъ командира полка, почему сѣдельный приборъ моей лошади былъ не форменнаго образца? Командиръ доложилъ, что я только недавно вернулся изъ плѣна и не успѣлъ еще завести его. Императоръ, будучи подозрительнымъ, не любилъ, чтобы его обманывали, и потому, устремивъ на меня гнѣв-

ный взоръ, крикнуть: «да вѣдь ваша дивизія еще не видала непріятеля!» Я не осмѣливался отвѣчать, но чувствовалъ себя очень скверно подъ его раздраженнымъ взглядомъ. Командиръ полка сталъ докладывать о случаѣ моего плѣненія, а начальникъ дивизіи, генералъ Esparne, въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ отозвался при этомъ о моемъ поведеніи. Во время доклада моихъ вачальниковъ, лицо императора постепенно преобразилось и, когда онъ все выслушалъ, онъ сдѣлалъ мнѣ граціозный и глубокій поклонъ».

«Затѣмъ мы прошли рысью по-эскадронно мимо императора; подходя къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, эскадроны обнажали сабли и привѣтствовали возгласами: «Vive l'Empereur!» Эти крики могуче раздавались среди монотонной равнины Польши и, повидимому, смотръ вполне удовлетворилъ сердце нашего верховнаго вождя».

«Отъѣзжая отъ нашего полка, Наполеонъ обратился къ командиру со словами: «полковникъ, смотрите, въ первомъ же дѣлѣ съ непріателемъ, или ядро, или императорскія звѣзды!»

Одна изъ главныхъ его заботъ заключалась въ поддержкѣ на войнѣ наиболѣе полного наличнаго состава войсковыхъ частей. Онъ отлично звалъ, съ какою быстротою таютъ ряды. Всѣми средствами стремился уменьшить число неучаствующихъ въ бояхъ людей. Поэтому у него всегда былъ первый вопросъ каждому строевому начальнику: «сколько людей у васъ налицо подъ ружьемъ?» и ему докладывали всегда вѣрно, такъ какъ знали, что онъ вообще недовѣрчивъ и иногда провѣрялъ лично поданные ему рапорты о численности составѣ части.

Слѣдующая глава этюда *Vachée* посвящена отношеніямъ Наполеона къ своимъ генераламъ, болѣе подробныя выдержки изъ характеристики которыхъ будутъ приведены въ слѣдующемъ «обзорѣ».

Послѣдній выпускъ нѣмецкаго четырехмѣсячника «*Vierteljahreshefte für Truppenführung*», вопреки обыкновенію, не блещетъ богатствомъ содержаніемъ. Прежде всего, продолженіе изслѣдованія фельдмаршала графа Шлиффена изъ войны 1870—71 года, подъ заглавіемъ «Канна»-«*Canne*». Въ этомъ выпускѣ идетъ рѣчь о сраженіи Гравелотъ-С. Прива. Сраженіе при Каннахъ является, какъ извѣстно, прототипомъ рѣшенія участи боя на флангахъ, нанесеніемъ истребительнаго удара. Аннибалъ усилилъ на счетъ фронта своего боевого порядка фланги, ослабивъ фронтъ до $\frac{1}{3}$ численности непріятеля. Последствіемъ этого было, конечно, то, что ослабленный фронтъ подался назадъ подъ ударомъ непріятельской массы. Тѣмъ зато легче было выдвинуться превосходнымъ карфагенскимъ крыльямъ, охватить наступавшіе на-встрѣчу римскіе фланги и этимъ маневромъ быстро

остановить отступленіе своего центра и его преслѣдованіе римлянами.

Подобно тому, какъ при Каннахъ, и нынѣ центръ боевого порядка, безъ особо многочисленныхъ поддержекъ, но съ обиліемъ патроновъ, можетъ быть атакованъ, но если есть сильныя крылья, то они выдвинутся для охвата зарвавшася непріятели, и можно рассчитывать, что послѣдній образуетъ такую же массу, какъ римскій полководецъ Теренцій Варронъ при Каннахъ, Наполеонъ — подъ Лейпцигомъ, Бенедекъ у Кениггреца.

При такомъ охватѣ флангами побѣда остается за тѣмъ, говорить графъ Шлиффенъ, у кого послѣдній резервъ окажется не за серединою фронта, а на наружномъ флангѣ. Туда онъ можетъ попасть въ рѣшительную минуту только по орлиному чутью главнокомандующаго, отгадавшаго, въ пылу неистоваго боя на протяженіи многихъ квадратныхъ миль, гдѣ пунктъ окончательнаго рѣшенія.

Въ заключеніе авторъ предостерегаетъ въ будущемъ отъ склонности къ столпленію массъ на тѣсномъ пространствѣ поля сраженія. Въ 1870 году нѣмцы вели бои на Саарѣ и Мозелѣ по образцу наполеоновской массовой тактики (*Massentactik*). Ударъ за ударомъ они должны были предпринимать противъ непріятельскаго расположенія. Тотъ же способъ избранъ былъ ими и подъ Гравелотомъ, но потерпѣлъ полную неудачу. У С. Прива ихъ глубокія колонны наткнулись на длинныя линіи французовъ, къ которымъ онѣ не могли подойти.

Въ ближайшемъ будущемъ вновь возстановится, хотя бы въ грубой формѣ, та самая линейная тактика, что была осуждена послѣ Иены. Линія будетъ драться противъ линіи и въ этомъ бою побѣдитъ тотъ, кто будетъ въ состояніи, протянувъ свои линіи боевого порядка дальше непріятельскихъ, охватить послѣднія.

Остальное содержаніе журнала нѣмецкаго генеральнаго штаба сводится къ слѣдующимъ статьямъ:

1) *Военная карьера генерала Goeben*—окончаніе труда генерала *v. Falkenhauseu'a* (см. «обзоръ» за февраль сего года, стр. 194).

2) Продолженіе изслѣдованія контръ-адмирала *Glatzel*—объ *оценкѣ сужденія сухопутнаго офицера съ условіями веденія морской войны* (см. «обзоръ» за февраль тамъ же).

3) *Полвая инженерная служба всѣхъ родовъ войскъ у насъ и въ друиыхъ арміяхъ*—статья маіора *Toepfer'a*.

4) *Новый австро-ветерскій уставъ стровой пѣхотной службы*—капитана *v. Metzsch'a*.

5) Продолженіе статьи подполковника *Zimmermann'a*—о *милионныхъ арміяхъ* (см. «обзоры» за февраль сего года, стр. 194 и

за декабрь 1911 г. стр. 198). Авторъ изслѣдуетъ вопросъ о службѣ прусскаго ландвера и французскихъ вооруженныхъ силъ послѣ разгрома великой арміи Наполеона въ 1812 году.

6) *О корпусѣ французскихъ офицеровъ резерва*, который, по мнѣнію нѣмецкаго журнала, на основаніи закона 1905 года, поставленъ исполнѣ соответственно современнымъ требованіямъ пополненія арміи при мобилизаціи офицерскимъ составомъ.

7) *Очеркъ событий Итало-турецкой войны*, отъ начала ея до конца 1911 года.

8) *Новое о французской кавалеріи*—содержитъ подробный, крайне обстоятельный разборъ кавалерійскаго устава французской арміи 1911 года.

и 9) *Армія и революція въ Китаѣ*.

Въ апрѣльской книжкѣ *«Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine»* полковникъ Балкъ даетъ сравнительную характеристику трехъ новѣйшихъ уставовъ пѣхотной службы: японскаго (1909 г.), австрійскаго (1911 г.) и англійскаго (1911 г.).

Въ этой статьѣ авторъ свелъ въ наглядную таблицу формы тактики пѣхоты по современнымъ уставамъ восьми крупнѣйшихъ военныхъ державъ.

Историческіе труды по эпохѣ Наполеона *Henri Houssaye*, которымъ посвященъ изящный очеркъ *Louis Madelin'a* въ декабрьскомъ выпускѣ *«Revue des deux Mondes»* (см. «обзоръ» за апрѣль сего года, стр. 193), закончены были трилогіей *«1815 годъ»*.

Талантливо написанный раньше *«1814 годъ»* явился какъ бы прологомъ къ этой трилогіи. Левъ, распространившій ужасъ до стѣнъ отдаленныхъ столицъ, былъ отогнанъ къ своей землѣ: императоръ Запада, дравшійся подъ Москвою, прижатъ къ пространству между Марной и Сеной. Тогда онъ становится солдатомъ, только солдатомъ. Ни одна кампанія до этой поры не обнаруживала въ немъ въ такой мѣрѣ способностей солдата. Стойко, лицомъ къ лицу со врагомъ, онъ защищаетъ французское знамя шагъ за шагомъ. И нужно, чтобы за спиной у него измѣнники учинили противъ него заговоръ, тогда герой падаетъ. Слѣдуетъ отреченіе, удаленіе на островъ Эльбу, первая реставрація Бурбоновъ, все это фатально подготавливаетъ вновь возвращеніе божественнаго героя.

Въ первомъ актѣ исторической трилогіи вновь появляется Онъ—*«Lui»*; уставшіе маршалы, политическіе измѣнники, ворчуны-старые воины, словомъ поднимается раздраженная нація, которая ропщетъ противъ «возвращенія господъ»; а непопулярное правительство пы-

тается, по выраженію Мюссе, завернуть побѣжденный народъ въ бѣлый саванъ.

Первый актъ трилогіи, это летъ орла—*le Vol de l'Aigle*, дѣйствительно чудесное возвращеніе съ острова Эльбы, дивное шествіе божества, точно возставшаго изъ гробницы посреди святошей, которые приходятъ въ религиозный ражъ, бросаются къ его рукъ, распластываются подъ его ногами, а въ это время за кулисами измѣнники уже разставляютъ свои сѣти, чтобы поймать царственную птицу.

Второй актъ, *Ватерлоо*: мертвая равнина, по выраженію Hugo, заполняется мрачными баталіонами. Картинно описанныя сцены битвы рисуютъ въ воображеніи читателей трагическія подробности боя. Послѣ знаменитой атаки, въ которой Ней губить кавалерію, гибель старой гвардіи, и съ нею «истекаетъ кровью послѣдняя страница знаменитой эпохи».

Паденіе Наполеона составляетъ послѣдній актъ. Разбитый подъ Ватерлоо, онъ могъ бы оправить свои крылья въ Парижъ. Но для него уже нѣтъ надежнаго убѣжища. Уже сѣти для его изловленія всюду разставлены. Казалось бы, однимъ сильнымъ ударомъ онъ могъ бы ихъ еще прорвать. Но онъ предпочитаетъ не пускаться болѣе въ отчаянную и безнадежную борьбу. Онъ взлетаетъ однимъ взмахомъ смертельно подшибленныхъ крыльевъ, чтобы, планируя, высоко направить свой полетъ къ океану, и попадаетъ окончательно въ сѣти англичанъ....

Какъ всѣ великіе историки, Houssaye былъ духовидецъ, человекъ съ огромной силой воображенія, но умѣлъ свои видѣнія держать подъ контролемъ большого знанія эпохи и заставилъ другихъ ихъ раздѣлять. Авторъ рассказываетъ, какъ Houssaye, описывая сцены изъ жизни Наполеона, часто дрожалъ отъ энтузіазма или гнѣва, глубоко волновался, негодовалъ или восторгался. Однажды, рассказывая о Фуше, онъ воскликнулъ: «императоръ долженъ былъ бы приказать повѣсить этого мерзавца!» и сдѣлалъ такой отчаянный жестъ, точно событіе произошло наканунѣ. Его книги, написанныя простымъ языкомъ, до такой степени возбуждаютъ представленіе объ историческихъ лицахъ и сценахъ, что, кажется, ему невозможно было ихъ не переживать самому. Онъ писалъ, что историкъ не долженъ только рассказывать событія, ему нужно заставить переживать тѣ страсти, которыми они сопровождались.

Онъ такъ оцѣнивалъ философію, которой научила его жизнь. Красота наполнила его душу чувствомъ восторга, когда онъ увидѣлъ гармоничныя архитектурныя линіи Эллады, фіолетовое море Аттики и позолоченный мраморъ Афівъ. Онъ надолго сталъ фанатичнымъ поклонникомъ олимпійскихъ богинь. Затѣмъ, жизнь толкнула его въ кругъ тяжелыхъ событій родины; его французское сердце, сердце

старой расы и чистой крови, было охвачено иною любовью. Долгіе годы онъ продолжалъ наслаждаться опьяненіемъ увлеченія классическимъ міромъ, но вдругъ, понавъ въ среду беззавѣтно преданныхъ солдатъ, защищавшихъ родину, онъ освободился отъ чарующихъ узъ красиваго міра древней Греціи, и историкъ вѣчной красоты сдѣлался историкомъ своего отечества: заманчивая карьера....

Необходимо, въ заключеніе, отмѣтить статью «о ночныхъ упражненіяхъ» полковника *Vujac'a* въ мартовской и апрѣльской книжкахъ «*Le Spectateur Militaire*» и тамъ же небольшой трудъ полковника *Cordonnier*: «методъ въ изученіи стратегіи».

Въ апрѣльскомъ выпускѣ «*Revue Politique et Parlementaire*» напечатаны статьи:

Маіора *Paul Renard'a* — о французскомъ воздушномъ флотѣ; статья эта является продолженіемъ очерка по тому же вопросу въ декабрьской книжкѣ «*Revue des deux Mondes*», который былъ отмѣченъ въ «обзорѣ» военныхъ журналовъ за апрѣль сего года,

и *Joseph Aulneau* — подробное, просто и интересно написанное изслѣдованіе о современномъ состояніи «*Македонскаго вопроса*» на Ближнемъ Востокѣ.

С. Добророльскій.

«*Rivista militare italiana*» 1912 г. Январь.

Союзныя войска, бывшія въ Пекинѣ въ 1900 году, дали Китаю наглядное представленіе о дисциплинѣ, организаци и образованіи европейскихъ армій и весьма ускорили осуществленіе реформъ, имѣющихъ цѣлью дать также и Китаю необходимыя ему вооруженныя силы. Не задаваясь цѣлью обзора этихъ реформъ во всемъ ихъ объемѣ и значеніи, Ernesto Cauda даетъ въ статьѣ, подъ заглавіемъ «современная китайская армія», нѣкоторыя свѣдѣнія о составѣ войскъ, коими Китай располагаетъ нынѣ и будетъ располагать въ ближайшемъ будущемъ.

Императорскимъ декретомъ утверждены въ сентябрѣ 1904 года новыя положенія, касающіяся организаци баталіоновъ, полковъ, бригадъ и дивизій, а также размѣровъ окладовъ содержанія офицерскихъ и нижнихъ чиновъ, расходовъ по матеріальной части, конскому составу и проч. Въ текущемъ 1912 году предполагено окончить формированіе по европейскому образцу 37 дивизій, что дастъ Китаю армію въ 420.000 человекъ нижнихъ чиновъ при 10.400 офицерахъ. Къ 1920 году эта армія должна возрасти до 1.500.000 человекъ.

Въ составъ пѣхотной дивизіи входитъ: пѣхоты 8.072 человекъ; полкъ конницы въ 1.116 человекъ и 1.198 лошадей; бригада саперъ; пулеметная рота въ 130 человекъ съ 8 пулеметами; воздухоплавательное отдѣленіе въ 50 человекъ съ 1 аэростатомъ; санитарное отдѣленіе въ 250 человекъ при 13 чинахъ врачебнаго персонала. Артилерійскій полкъ раздѣляется на 3 группы по 3 батареи каждая; батарея имѣетъ 6 орудій. Конный полкъ раздѣляется на 3 группы въ 4 эскадрона.

Въ составъ пѣхотнаго баталіона входятъ: командиръ баталіона; его помощникъ-инструкторъ; 4 ротныхъ командира; 12 взводныхъ командировъ; 4 офицера-помощника; 36 унтеръ-офицеровъ; 36 ефрейторовъ; 432 рядовыхъ; 1 офицеръ по административной части; 1 врачъ; 6 писарей; 1 горнистъ унтеръ-офицерскаго званія; 8 горнистовъ рядового званія; 1 старшій конвойный; 18 конвойныхъ рядового званія; 1 старшій мастеръ; 4 оружейныхъ мастера; 4 сапожника; 4 санитаря; 36 запасныхъ рядовыхъ изъ добровольцевъ; 38 кашеваровъ и людей на разныхъ нестроевыхъ должностяхъ; 4 обозныхъ; 4 конюха. Каждый баталіонъ имѣетъ 4 повозки и 12-ть упряжныхъ муловъ. Иностранные офицеры допускаются только на указанныя выше должности помощниковъ.

Рота раздѣляется на 3 взвода въ 3 отдѣленія; въ отдѣленіи всего около 14 человекъ рядовыхъ и начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ.

Корпуса состоятъ изъ 2-хъ, 3-хъ или 4-хъ дивизій. Корпусъ въ двѣ дивизіи имѣетъ: 23.760 нижнихъ чиновъ, 108 пушекъ и 4.469 лошадей и муловъ. Ежемѣсячное содержаніе корпуса въ двѣ дивизіи обходится около 190.000 таэлей.

Регулярныя китайскія войска не имѣютъ еще пока однообразнаго вооруженія, но принятыя нынѣ мѣры заставляютъ предполагать, что это послѣднее не только придетъ въ скоромъ времени къ надлежащему однообразію, но будетъ, сверхъ того, полностью отечественной фабрикаціи.

Пѣхота нынѣ вооружена:

а) ружьемъ Маузера 1888 года калибра 7,9, частью китайскаго, частью иностраннаго изготовленія; б) японскимъ ружьемъ Мурата калибра 6,5 и в) ружьемъ Манлихера.

Полевая артилерія вооружена:

а) пушками Круппа, Арисака и Крезо 1905 года калибра 75; б) скорострѣльными пушками калибра 57, главнымъ образомъ, отечественнаго изготовленія и в) горными пушками калибра 70, изготовленными въ Японіи.

Пулеметы типа Викерсъ-Максима.

Китайскій солдатъ въ достаточной мѣрѣ трезвъ, воздержанъ и дисциплинированъ; европейскіе офицеры, присутствовавшіе на маневрахъ 1910 года, были поражены успѣхами, достигнутыми китайской

армію. Военный мундиръ входитъ въ честь, и молодые люди высшего происхожденія стремятся подъ знамена съ энтузіазмомъ, о которомъ не было слышно въ теченіе вѣковъ.

Въ обозрѣваемомъ выпускѣ закончено изслѣдованіе капитана G. Lanfranchi подъ заглавіемъ «тактическое употребленіе пѣхоты въ Русско-японскую войну», начатое печатаніемъ въ прошломъ году. Японская пѣхота признается авторомъ лучшею въ мірѣ.

Наша послѣдняя война еще разъ подтвердила двѣ истины, а именно: что только наступательный образъ дѣйствій можетъ дать положительные результаты и что побѣда или пораженіе зависитъ, по-прежнему, главнымъ образомъ, отъ пѣхоты. Несмотря на сильно возросшую дѣйствительность артилерійскаго огня, пѣхота оставалась и въ нашей войнѣ тѣмъ родомъ войскъ, съ которымъ остальные соображали свои дѣйствія.

Въ боевой порядокъ японская пѣхота переходила почти всегда непосредственно изъ походнаго. На мѣста, назначенныя различнымъ отрядамъ, послѣдніе передвигались въ строяхъ, опредѣляемыхъ по усмотрѣнію ихъ начальниковъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, силы огня и разстоянія отъ непріятеля. Во время наступленія, даже раньше открытія огня, японцы старательно избѣгали всякаго однообразія. Чтобы подойти къ противнику на возможно близкое разстояніе, не открывая стрѣльбы, они пользовались всѣми возможными средствами: принимали самыя разнообразныя построенія, раздѣляясь на взводы и отдѣленія и слѣдуя рядами по два и по одному; двигались часто ползкомъ; искусно пользовались самыми ничтожными складками мѣстности, дѣлая для того иногда большіе обходы.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось наступать по мѣстности ровной и сильно поражаемой непріятелемъ, японская пѣхота открывала огонь массами, останавливаясь для того на небольшіе промежутки времени и продолжая наступленіе большими или малыми перебѣжками, соображаясь съ наличными условіями.

Другимъ характернымъ отличіемъ японскихъ построеній является огромное протяженіе фронтовъ наступленія, которое обуславливалось какъ длиною нашихъ фронтовъ, такъ и постояннымъ стремленіемъ японцевъ къ увеличенію силы огня съ самаго начала боя. Достоинно при этомъ вниманія полное отсутствіе какого либо однообразія въ распредѣленіи стрѣлковъ по линіи огня; мѣстами люди касались другъ друга локтемъ, мѣстами стояли на разстояніи въ нѣсколько шаговъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и удобства мѣстности.

Въ большинствѣ случаевъ роты развертывали съ самаго начала всѣ свои взводы, а баталіоны всѣ свои роты. Даже полки, бригады и болѣе крупныя части сохраняли очень небольшіе резервы.

Недостатокъ глубины построений имѣлъ всегдашнимъ послѣдствіемъ, что атаки японцевъ, вначалѣ очень быстрыя и рѣшительныя, ослабѣвали по мѣрѣ подхода къ нашимъ позиціямъ, и не было у нихъ свѣжихъ войскъ для матеріальной и нравственной поддержки боевой линіи. Построенія японскихъ резервовъ характеризовались также крайнимъ разнообразіемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда резервы начинали нести потери отъ выстрѣловъ, направленныхъ въ стрѣлковъ, они быстро, одною перебѣжкой, входили въ ихъ цѣпи.

Въ сферѣ дѣйствительнаго огня японская пѣхота никогда не передвигалась одновременно по всей линіи. Остановившіяся части прижимались плотно къ землѣ, пользуясь всѣми даваемыми ею укрытіями или устраивая искусственныя, и выжидали, пока артилерія или сосѣдніе отряды заставятъ огонь временно ослабѣть или направиться въ другую сторону. Когда наступало удобное время для движенія, японцы поднимались, безъ соблюденія какого-либо порядка: цѣлыми единицами, группами или по одному. Первымъ перебѣгалъ обыкновенно офицеръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ храбрецовъ, прочіе постепенно слѣдовали за ними небольшими звеньями.

Въ постоянномъ стремленіи противопоставить неприятелю возможно большее число ружей, японцы не стѣснялись сгущать свои цѣпи въ зонахъ самага сильнаго нашего огня до того, что люди чувствовали другъ друга локтемъ.

Залповый огонь японцы употребляли только при стрѣльбѣ на большія дистанціи; на среднія и малыя они предпочитали частый одиночный огонь и не жалѣли патроновъ. Опытъ войны показалъ, что на дистанціяхъ короче 100 метровъ огонь обѣихъ сторонъ становится мало дѣйствительнымъ.

Неоднократно были въ послѣдней войнѣ примѣры, подтверждавшіе нравственное впечатлѣніе на войска удара въ штыки. При всемъ порывѣ японскихъ атакъ, войска ихъ робѣли передъ штыковыми ударами русскихъ.

Ночною темнотою войска пользовались какъ для подготовки операци слѣдующаго дня, такъ и для самага выполненія операци; а равнымъ образомъ для передвиженія впередъ орудій и пѣхотныхъ частей. Ночные бои велись иногда цѣлыми дивизіями.

Кромѣ того, въ январьскомъ выпускѣ помѣщены статьи:

Капитана Pompilio Schiarin—О возстаніи 1806—1807 годовъ въ Калабріи.

Капитана Delfino de Ambrosis—Военно-топографическое описаніе Македоніи.

Капитана Vittorio Gorini—Турецкія войска въ описаніи R. Montecucoli.

Carlo Podesta—Война въ представленіи лорда Байрона.

Подполковника Stoppa—Главные тактическіе выводы Русско-японской войны.

Окончены статьи: маіора Carbone Vincenzo; генераль-маіора Enrico Chaurand; капитана Augusto Rigault de la Longrais.

Помѣщены продолженія статей: Afrit и Felice de Chaurand de St. Eustache.

В. Н.

